

Лу Шицин ощущал что-то знакомое в этой ситуации, словно видел повторение своей жизни в спецшколе для альфа города Цзэши, где он был одинок, и чем больше вокруг было шума, тем сильнее он хотел спрятаться.

Старина У временно усадил Лу Шицина на последний ряд в классе и попросил старосты найти кого-нибудь, чтобы принести новый комплект парты и стула.

— Чэнь Фан, иди ты, помоги новому ученику принести парту, — позвал староста, и белокожий парень остановился, услышав свое имя, кивнул и развернулся, чтобы выйти.

Чэнь Фан, должно быть, его имя. Лу Шицин мысленно запомнил его.

Он не любил беспокоить других, поэтому попросил Старину У разрешения пойти вместе, и получив согласие, вышел вслед за Чэнь Фаном. Тот шел не спеша, и Лу Шицин быстро его догнал.

— Ты тоже из третьего класса? — Лу Шицин намеренно завел разговор.

— ...Угу.

Звук, вышедший из ноздрей, был холоднее предыдущего «спасибо», словно звон стакана со льдом, слегка ударившегося о поверхность.

— Я новенький.

— Угу.

— Ты только что не пострадал?

— Нет.

...

Односложные ответы. Такой холодный.

Лу Шицин решил разрушить эту ситуацию. Должен же быть вопрос, на который нельзя ответить одним словом.

— Как тебя зовут, кстати? — Он прекрасно слышал раньше, но теперь намеренно задал этот вопрос.

— ...Чэнь Фан.

Чэнь Фан, Чэнь Фан, Чэнь Фан.

Лу Шицин повторял его имя в уме несколько раз, словно это был трофей, завоеванный в бою. Никогда раньше два простых слова не приносили ему такого удовлетворения.

— Ты, возможно, не слышал, когда вернулся поздно, — Лу Шицин прочистил горло и сказал как можно более официально:

— Меня зовут Лу Шицин. Лу — как дорога, очень рад познакомиться... с тобой.

Скрип...

Услышав, как Чэнь Фан тащит парту по полу, Лу Шицин сдержал мурашки по коже и позволил ему нести стул впереди, сам же взвалил парту на плечи и пошел следом.

Зачем поручать такую работу хрупкому парню? Глядя на длинные ноги Чэнь Фана, болтающиеся в слишком свободных штанах, Лу Шицин подумал, что поднять его, вероятно, было бы не намного сложнее, чем нести парту.

Вернувшись в класс и устроившись на месте, Лу Шицин заметил, что Чэнь Фан сидит перед ним. Он уже хотел подумать, какое совпадение, как вдруг в его поле зрения попал кусочек белой кожи.

Чэнь Фан опустил воротник, возможно, из-за того, что вспотел, помогая ему с партой. Несколько прядей слегка влажных волос прилипли к его тонкой шее. Кожа на шее была настолько тонкой, что почти просвечивала на солнце, мелкие волоски казались золотыми, а сама кожа была ослепительно белой.

Альфы, по своей природе, всегда обращают особое внимание на заднюю часть шеи. Даже если под кожей не скрывалась драгоценная железа омеги, сам вид этой шеи был непреодолимым искушением для любого альфы.

Лу Шицин тоже инстинктивно втянул воздух носом, но, к сожалению, ничего не почувствовал.

Он был бета?

Нет, не обязательно.

Как он мог быть таким глупым? Ведь он сам был альфой, лишенным обоняния, и не мог чувствовать запахи феромонов.

В детстве Лу Шицин переболел вирусной простудой, после чего больше не мог чувствовать запахи. Обследование показало, что были повреждены нервы. Сначала окружающие не придавали этому значения, но после его дифференцировки это стало серьезным недостатком для альфы.

Феромоны и метки — это врожденный капитал альф, а альфа, не чувствующий феромонов, подобен орлу со сломанными крыльями, лишенному права парить над другими, превратившемуся в обычное животное.

Он вспомнил свои дни в спецшколе для альф, где группа только что дифференцировавшихся альф считала железы и феромоны главной темой для обсуждения и сравнения. Конкретные запахи описывались с восторгом, но для него они оставались неуловимыми.

Альфы из богатых семей росли избалованными, и их злоба не знала границ. Такие выражения, как «неполноценный» или «кастрированный», были обычным делом. Он был альфой по физиологии, но на самом деле ничем не отличался от беты.

Хотя он мог делать вид, что ему все равно, это было похоже на долгую коррозию: внешняя оболочка оставалась целой, но внутри все было изъедено.

Именно поэтому он перешел в Пятую среднюю школу.

Большинство учеников государственных школ были бетамы, неспособными чувствовать феромоны, поэтому отсутствие обоняния не считалось серьезным недостатком. С таким

статусом он мог прожить два года, просто принимая блокаторы феромонов, и никаких проблем.

Лу Шицин глубоко вдохнул, избавившись от гнетущей атмосферы спецшколы для альф, и дыхание стало легче. Ему даже показалось, что его нечувствительный нос ощущает разницу в воздухе.

Учитель литературы на кафедре монотонно читал классический текст, но Лу Шицин не мог сосредоточиться, чувствуя только раздражение.

Однако это раздражение было необычным. Оно исходило изнутри, распространяясь по крови, заставляя железо на задней части шеи пульсировать, подталкивая к какому-то невыразимому импульсу.

Это было совершенно новое ощущение.

Открыв окно рядом, чтобы проветрить, Лу Шицин снова взглянул на инструкцию к блокаторам феромонов.

Никаких побочных эффектов такого рода там не было.

Легкий ветерок, ворвавшийся в окно, унес тепло с поверхности кожи, разбавив внутреннее беспокойство. Он убрал инструкцию, решив, что, вероятно, просто еще не привык к климату Северного района, и через некоторое время все пройдет.

Его взгляд блуждал, и вдруг в периферийном зрении что-то мелькнуло. Лу Шицин увидел, как Чэнь Фан поднял руку и застегнул молнию на своем пиджаке до самого верха, снова скрыв свою белую шею под воротником, оставив только мягкие пряди волос, слегка колышущиеся на ветру.

Ему холодно?

Глядя на спину Чэнь Фана, тонкую и хрупкую, казалось, что даже небольшой ветер мог бы его сломать. В нем была врожденная слабость, которая легко вызывала желание защитить.

Лу Шицин медленно поднял руку и прикрыл окно, пока оно не закрылось полностью.

Казалось, Чэнь Фан почувствовал изменение в воздухе вокруг и слегка повернул голову, словно хотел посмотреть на него, но не сделал этого. Его губы приоткрылись, но не издали ни звука, и он снова повернулся вперед.

Чэнь Фан был худым, но его черты не были резкими. Нос и подбородок имели немного детской округлости, глаза были скрыты под длинными опущенными ресницами, а губы были розовыми и пухлыми.

Красота, смешанная с хрупкостью, как красная роза под стеклянным колпаком, которая должна была быть защищена с особой заботой, но, казалось, многие хотели ее разрушить.

В голове Лу Шицина вдруг прозвучало то безэмоциональное «спасибо», которое Чэнь Фан произнес после той перепалки.

Если он принял благодарность, то защита его, казалось, стала чем-то само собой разумеющимся.

После двух уроков была зарядка. У Лу Шицина не было школьной формы, и чтобы избежать

выговора от школьного руководства, учитель оставил его в классе.

Прислонившись к окну, он наблюдал, как ленивые ученики выходят из здания школы. Из-за все еще жаркой погоды ранней осени все были одеты в белые футболки летней формы, словно белые волны, набегающие на пляж, растекающиеся по спортивной площадке.

Поэтому Чэнь Фан, одетый в темную школьную форму с длинными рукавами, выделялся среди них.

Независимый мальчик вышел из здания школы, переместился в середину строя и одиноко стоял среди учеников, собравшихся в группы на площадке. Его свободная форма развевалась на ветру, как флаг, на его хрупком теле.

Вдруг кто-то приблизился к Чэнь Фану. Лу Шицин, присмотревшись, нахмурился. Это был тот самый задира с утра, смуглый парень, а рядом с ним был толстяк.

Чэнь Фан, похоже, тоже их увидел и хотел уйти, чтобы избежать конфликта, но смуглый схватил его за воротник и потянул обратно.

Грубое обращение с хрупким телом мгновенно вызвало гнев Лу Шицина. Он хотел сбежать вниз и ударить смуглого по лицу, чтобы тот запомнил урок.

Лу Шицин уже встал, как вдруг увидел, как к ним подошел кто-то, похожий на школьное руководство. Смуглый тут же ушел, но перед этим указал пальцем на Чэнь Фана.

Это означало, что будет следующий раз.

Стиснув зубы, Лу Шицин понял, что это была случайная бомба, привязанная к Чэнь Фану, и ее нужно было обезвредить как можно скорее.

<http://bllate.org/book/16746/1540132>